

МИХАИЛ АЗАРИЯНЦ

АНТАНТА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ

Михаил Азариянц
Антанта, Вера и Любовь

«Издательство «Перо»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Азариянц М. А.

Антанта, Вера и Любовь / М. А. Азариянц — «Издательство
«Перо», 2018

ISBN 978-5-906997-45-6

События происходят в двадцатых годах, двадцатого столетия, на территории города Батуми и перемещаются в Турцию... Герой романа девятнадцати летний Жоржик, с другом Сергеем, будучи на рыбалке, становятся невольными свидетелями убийства двух английских моряков АНТАНТЫ, турецкими контрабандистами при покупке опиума. Командование английской эскадры назначает вознаграждение, за помощь в поимке преступников. Жоржик решает заработать на этом крупную сумму. Операция проходит успешно. Через несколько месяцев англичане берут курс домой. Один из высокопоставленных чиновников эскадры, влюбленный в невесту Жоржика, дает команду выкрасть ее и доставить на корабль. Жоржик бросается в погоню и при пополнении запасов угля в г. Потти, проникает на корабль. При заходе в один из турецких портов, им удается бежать с корабля. Преследуемые они попадают в логово пиратов. Пираты помогают им попасть на пассажирский лайнер, идущий в Грузию, где среди пассажиров они встречают отца Жоржика. Радость встречи омрачается проблемой. При прохождении паспортного контроля Жоржика могут отправить в турецкую тюрьму. Он также тайно на рейде покидает судно. Его вновь ожидают невероятные приключения. Но он все-таки добирается домой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906997-45-6

© Азариянц М. А., 2018
© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Том первый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Михаил Азариянц

Антанта, Вера и Любовь

Том первый

Февраль. В Батуми уже совсем весенний месяц: расцветают мимозы, плетет белые кружева миндаль, воздух наполняется тонким изящным ароматом. Море – обычно спокойное в это время года, притягивает к себе ласковым шуршанием слабых волн о прибрежные камни. Перистые облака там наверху несутся с бешеной скоростью, обгоняя друг друга; а внизу спокойно, лишь слабое дуновение ветра, местами морщинит водную гладь.

Мы с Серым, так звали моего приятеля и соседа по дому, с удочками и плетеными из лозы садками, в серых парусиновых штанах, куртках и шляпах, бодро шагали в «Турецкую бухту», так называлось местечко, расположенное недалеко от поселка Хопа, уже на той стороне грузинско-турецкой границы. Мы шли на рыбалку. Отцы наши сбежали то ли от большевиков, то ли от турок, оставив свои семьи на произвол судьбы. Правда еще до того, как отец намеревался покинуть дом, говорил нам, что поедет в Грецию, устроится там, а потом заберет и семью. Вот мы его терпеливо и ждали, хотя, надо сказать, ожидание затянулось. Поэтому походы за рыбой были для нас не только удовольствием, но и средством выживания. Кроме меня у матери на руках были еще три девочки, мои сестренки, и бабушка, которая в молодости закончила петербургскую консерваторию и иногда участвовала в благотворительных концертах, а в эти тревожные времена ей было не до музыки. Сейчас в доме никто не работал; и мама, чтобы как-то выжить, продавала имущество, которого, как мне казалось, было тьма тьмущая: старинная посуда, картины, ковры, редкое оружие и даже расписные глиняные горшки и кувшины, в которых раньше хранилось вино, поставленное еще дедом Панаетом. С начала Первой мировой войны власть в Батуми менялась в год по два, а то и по три раза. То по улицам ходили солдаты османской империи, то грузинские войска, то меньшевики, то большевики и даже англичане и французы. Мы, мальчишки, этого ничего не понимали, да и не хотели понимать. Правда, после прихода турок гимназию вообще закрыли, боялись, что турки будут насиловать девочек. Они, сидя на черных элегантных скакунах, гарцевали по главным площадям и проспектам, презрительно расталкивая гуляющих по приморскому бульвару жителей Батуми. Пешие были вооружены шашками, играющими никелем на ярком солнце. Улицы теперь были изрядно замусорены дикими азиатами. Раньше всегда ухоженный, чистенький город ласкал глаз разноцветными клумбами, подстриженными газонами и своеобразными фонтанами. И, несмотря на то, что каждая власть выдвигала своего генерал-губернатора, и тот писал свои указы и манифесты, прежнего порядка в городе не было.

Прежде мы никогда и ни в чем не нуждались. Папа приносил в семью много денег, хотя видели мы его очень редко, потому что он был ужасный бабник, однако важный чиновник и уважаемый в городе человек, Председатель общества Черноморского пароходства. Он, всегда сияющий, в кипельно-белой рубашке, темных наглаженных брюках, во фраке и тоже черных лакированных ботинках, иногда неожиданно появлялся в проеме широких парадных дверей загородного особняка. Радостный, с искренней, подкупающей улыбкой, с распростертыми объятиями он входил в свой дом, держа неизменно в правой руке сумку с ассигнациями. И прежде чем обнять нас, небрежно бросал ее на кожаный диван, реабилитируя себя за очередной блудняк. Мама брала деньги и уходила в свою комнату, понимая, что нас надо кормить, и что горбатого и могила не исправит. Он шел за ней и всегда долго шепотом что-то объяснял, рассказывая какие-то небылицы, и она прощала его. Таким он запомнился мне пятнадцатилетнему парню на всю жизнь. Вот уже почти как три года он не подавал, о себе никаких вестей.

Не знаю война, не знаю революция, о которой так много приходилось слышать, превратила нас из вполне благополучных интеллигентов, в нуждающихся пролетариев-люмпенов, – рассуждал я по пути в бухту, – и вместе с отцом исчезли беззаботные годы детства. И теперь, казалось, что так надо и так будет всегда. Мы жили какой-то неопределенной жизнью.

Раньше, когда моих сестренек еще и на свете не было, папа приходил с работы, брал меня на руки, и мы втроем шли на обед к нашему родственнику дяде Николаю Игнатиади. Он был главным архитектором в городе Батуми и являлся автором многих самых изящных домов и дворцов, которые строили себе местные купцы, дворяне и важные чиновники.

Дядю Нико знали все, и потому дом его всегда был полон гостей. Большая по площади усадьба утопала в зелени. Аллея, которая тянулась от ворот до самого дома, была обрамлена подстриженными кустами буктуса, над которыми сплошным навесом играли гроздьи черного винограда. Сквозь всю усадьбу бежал по камням небольшой горный ручей, наполнявший искусственный бассейн до ужаса холодной прозрачной водой и стремился дальше к морю. В нем никто никогда не мочил даже ног, только дядя Нико иногда нагибался, черпал в ладони воду и обрызгивал гостей. Ему нравилось, как они визжали, теряя свою важность и степенность под холодными брызгами. Он любил потрепать мою кудрявую голову, приговаривая, теплые ласковые слова и пророчил мне будущее архитектора.

Дом у него был большой, с просторными залами и уютными спальнями, а вот архитектурными изысками не отличался от прочих. А потому часто в разговоре с гостями, удивленными простотой архитектуры его дома, по этому поводу, тетя Валя, его жена говорила: Сапожник без сапог, – на что он иронически улыбался и отвечал: мы же не царской фамилии, проживем и так, – чем порой смущал бывших у него в гостях купцов-заказчиков.

В нашем же доме наводили порядок две служанки, одна из которых была молоденькая, прехорошенькая англичанка. Она скорее даже выполняла роль гувернантки, потому что кроме других обязанностей, она учила меня английскому языку и оставалась со мной дома, когда мама уходила в какой-то музыкальный кружок, который готовил благотворительные концерты, средства от которых направлялись в приюты. Я замечал, что отец иногда без всякого на то повода, отсылал меня куда-нибудь, чтобы остаться наедине с Керри. Кончились это тем, что у нее вдруг стал расти живот. Эта была его первая измена. Мать узнала, устроила скандал, велела дать ей денег и отправить в Англию. Так я и закончил свою английскую эпопею, хотя кое-чему английскому я у нее набрался.

– Ты это о чем Жоржик? – перебил мои мысли Серый, утомленный долгим молчанием.

– Так о своем, отца вспомнил. Где он сейчас? Один бог знает: то ли от революции сбежал, то ли новую красоту нашел. Ведь такое бывало и раньше, но нас он никогда не оставлял без денег и так долго не отсутствовал, он ведь все-таки маму любил.

– Все хорошее когда-то кончается, – со вздохом сожаления произнес Серый, – мне ли тебя не понять, мы тоже с нетерпением ждем своего папу. Кажется, они, как и мы с тобой, не разлей вода, может на пару и свинтили в какую-нибудь страну лимонию.

– Уж ты скажешь – в страну лимонию, а мы где, по-твоему, в стране мандаринии? – усмехнулся я, глядя на мандариновые плантации, расположенные на склонах невысоких гор, мимо которых шли к постоянному месту рыбалки. Дошли незаметно. Солнце осторожно выглядывало из-за горы, бросая длинные тени, касаясь верхушек раскидистых деревьев, расположенных на самой высоте прибрежных гор. Было холодно, но парусиновая одежда надежно защищала нас от морского холодного ветра.

В маленькой бухточке было тихо и таинственно. Мы сбросили на камни рюкзаки с рыбацкими снастями. Здесь, вдали от людских глаз, можно было спокойно ставить сетки и вентери, в которые по своей глупости попадала разная рыба, обманутая наживкой, которую мы искусно крепили в самое горлышко вентерей. Но такие крупные снасти мы с собой не таскали, а прятали здесь, же в узкой горной пещере, куда заходила морская вода. Но проход в нее был

настолько узок, что худощавый Серега едва протискивался вовнутрь сквозь скользкие камни. Мне не приходилось побывать там потому, что мое слегка полноватое мускулистое тело, при всем старании никак не проходило в узкий проем. Серый рассказывал мне, как там сыро и таинственно, и что пещера уходит куда-то вглубь горы, но он боится пройти более пяти шагов и снасти оставляет почти у входа.

– Знаешь, Жорж, – мне кажется, там кто-то есть, как-то загадочно говорил он всякий раз, торопливо вылезая из пещеры, оставляя там снасти или забирая их оттуда. – Чертовщина какая-то: здесь я слышу только шум волны, а там шипенье, урчанье и непонятный вой, и меня немного продирает, каждый раз хочется скорее вылезти оттуда.

– Трус ты, голубчик, нафантазировал себе черте, что и трясешься.

– Сам полезай, – обиженно сказал он, – тогда и посмотрим, кто из нас трус?

– Я бы с удовольствием, но мне пузо мешает да грудь широкая, а тебе только уши, но ты их успешно сворачиваешь в трубочку.

– Меньше жрать надо, тогда и пузо будет не помеха, – огрызнулся Серый.

Мы любили подтрунивать друг над другом, иногда даже ругались, но ласково и беззлобно.

– Замечание учту, – улыбаясь, заметил я, – и весь сегодняшний улов будет твой.

– С превеликим удовольствием лишил бы тебя твоей доли, но как же твои сестрички, мама, бабушка? Нет, я не изверг какой-нибудь, чтобы из-за какого-то шалопая оставлять голодными целую семью.

Он был влюблен в мою старшую сестричку Муську, а она издевательски называла его «Пермяк соленые уши», а сама тоже была к нему небезразлична. Она хотя и была маленькой девчушкой и не доставала ему головой даже до плеча, красотулька была еще та.

– Как же, о Муське беспокоишься, – улыбаясь одними глазами, подтрунивал я.

– А хотя бы и о Муске, тебе-то что, может запретишь?

– Я как старший брат, имею право. По нашему закону в отсутствие отца власть и ответственность за семью переходит к старшему сыну, но тебе, другу не буду препятствовать в продвижении на поприще любви.

– И то хорошо, – заметил Серый, продолжая выбирать из сети вчерашний мусор.

А я, сидя на большом холодном камне, перевязывал веревки на крыльях вентера.

Наконец, установив снасти, и изрядно намокнув в еще совсем холодной воде, мы стали разводить костер из щепок и разных дровишек, которые море частенько выбрасывало на берег, а солнышко сушило как бы специально для нашего костра.

У нас была отличная никелированная английская зажигалка с двумя фитилями, которую я выиграл в карты у одного офицера АНТАНТЫ, а потому мы давно уже не пользовались спичками. Серый тайком от матери курил английские папиросы, а иногда и сигары, которые я тоже выигрывал для него в карты. Однажды я принес ему сразу три сигары, а он ехидно заметил: заботишься о здоровье друга?

– Давай назад, – спохватился я.

– Но-но не торопись, – отвел он мою руку в сторону, – шутка, а вообще спасибо, ведь я все равно не брошу: такая зараза!

Мне иногда тоже хотелось сделать хотя бы одну затяжку, но я дал себе слово не заниматься этой ерундой и не мог его нарушить.

Я рассуждал так: если не сдержу обещания, данные самому себе хоть раз, кто меня остановит, если я не могу воспитывать сам себя?

Однажды, года два назад, в гимназии один тип дал мне попробовать сигару, я потянул дым в себя и поперхнулся, да так закашлял, что глаза чуть с орбит не повылезали. И тогда я зарекся: никогда этой гадости в рот не брать. С тех пор только Серого и снабжал с целью экономии денег.

Мы грелись у костра и сушили намокшую одежду, не станешь же забрасывать удочки в мокрых брюках и хлюпающих ботинках. Жаркое пламя от еловых веток, которыми мы укрывали пещеру, быстро сделало свое дело. Параллельно вскипятили котелок и заварили чай. Я достал большой кусок рубленого сахара и английские галеты, которыми меня часто угощали моряки. Похрустев нехитрой едой и запив чаем, мы пошли к скале, предварительно потушив костер.

– Берегись, окунь! Берегись, ставридка, иду на Вы! – кричал Серый, выставляя вперед удочку.

Мы отошли метров двадцать от нашего лагеря, взобрались на невысокую прибрежную скалу и забросили удочки, с наживкой из куриных потрашков. Прямо у основания скалы была яма, в которой вечно крутилась всякая рыба: мелочь питалась мошками и водорослями, а ставридка и окунь пожирала мелочь. Вот в этой катавасии мы легко за час набрали полведра рыбы.

– Ну, что, Жоржик, будем варить уху? – спросил Серый.

– Да ну, дома мамы наши сами распорядятся уловом; чуешь, как солнышко пригрело, лучше поспим чуток и потом пойдем, а?

– Можно, – согласился Серый, – но я спал хорошо и больше не требуется.

– Ну, как знаешь, – отпарировал я и, накрыв парусиновой шляпой лицо, закрыл глаза.

Сладкий утренний сон сразу окутал мое сознание.

Но прошло, как мне показалось, всего несколько мгновений, и тревожный голос приятеля разбудил меня.

– Жоржик, проснись, где твой бинокль? – тряс он меня за плечо. Я вскочил, не понимая, что случилось, и показал на рюкзак.

– Там на самом дне, а в чем дело?

– Вон смотри: английская шлюпка, и турецкая рыбацкая лодка медленно сходились метрах в пятидесяти от берега.

– Что это вдруг англичане сюда приплыли, что им надо: стреляться будут? я думаю, что неспроста, хотя, что им делить?

– А пес их знает и те, и те захватчики на нашей земле.

– Ну, может какие общие дела? Ведь они не союзники по Антанте.

– Не за рыбой же они приехали, ее вон в Батуми тьма!

Слушай! – заговорщеским тоном начал Сергей, – а может опий, привезли контрабандисты. Видишь, как они одеты: солнце пригревает, а они не снимают капюшонов.

– Может быть, понаблюдай в бинокль, они уже причаливают друг к другу.

Серый прилег на скалу и, прислонив к глазам бинокль, впился в контрабандистов жадным, любопытным взором. Я тоже прилег за единственный небольшой кустик, торчащий из расселены. Лодки сблизилась. В бинокль хорошо было видно, как военный достал из внутреннего кармана пачку английских фунтов и передал их тому, что был в рыбацкой серой робе, он и стал их пересчитывать, затем удовлетворенно кивнул головой, достал со дна лодки мешок и протянул покупателю. Военный, окунул туда руку и что-то вытащил на ладони.

– На, смотри, смотри, – торопил меня Серый, передавая бинокль, – я, кажется, не ошибся.

Действительно, я увидел, как он растирал в руке какое-то зелье, нюхал его, пробовал на язык и вполне удовлетворенный, высыпал обратно в мешок, завязал его и, сполоснув руку за бортом лодки, тщательно вытер ее носовым платком и протянул продавцу. Тот ответил рукопожатием, подержал ее некоторое время и с улыбкой, глядя в глаза англичанину, резко дернул его вниз и сбросил в воду; второй не ожидая такого поворота событий, в недоумение оглянулся, ища откуда-то помощи. Второй же контрабандист ловким движением ударил упавшего в воду веслом по голове. На поверхности расплылось кровавое пятно. Англичанин, наконец-то поняв ситуацию, схватил винтовку и, щелкнув затвором, послал патрон в патронник. Но только это он и успел сделать, как контрабандист, резким движением выхватил из-под штурмовки обрез

и выстрелил ему в грудь. Военный взмахнул обеими руками в стороны, как бы ища опоры, и навзничь упал на воду. Тело несколько мгновений держалось на поверхности, а затем слабые волны накрыли его полностью.

– Да, Серый, вот это да! Настоящее кино, я такого никогда не видел, смотри не вылезай, а то заметят и нам крышка.

Между тем контрабандисты подтащили к себе шлюпку, вытащили мешок с зельем, перегрузили на дно своей лодки, собрали кое-какое снаряжение и, оттолкнув шлюпку в сторону моря, тихо поплыли восвояси.

– Мы приникли к скале боясь быть обнаруженными. Через некоторое время турецкая лодка исчезла в изгибе берега. Трупов не было видно.

– Слушай, Жоржик, я так и не понял, что произошло, почему они их убили, и как они оказались здесь одновременно?

– Вопросов, конечно ровно столько, сколько возникло и у меня в голове, – медленно рассуждая, отвечал я. – Скорее всего, где-то на базаре англичане тайком спрашивали опиум. Нашелся продавец, договорились о цене, назначили время и место встречи, все как полагается у цивилизованных людей. Но эти европейские придурки не учли, что они связались с азиатами, у которых нет правил и полагаться на их порядочность никак нельзя. Турки ведь не союзники с англичанами по Антанте и деньги для них превыше всего, да и вообще: им нет дел до политики. Они прекрасно понимали, что сделка тайная, и можно и деньги получить, и товар вернуть, а то, что их рыбам скормили – это для них нормально. А потом докажи кто их убил, похитил или сбежали домой. Азиаты не так глупы, как предполагают солдаты Антанты. А потом в таком бардаке трудно понять, кто есть кто. Граница не охраняется: хочешь ты к ним, хочешь они к тебе.

– Теперь понятно, ты прямо как учитель истории все рассуждаешь, – восхитился Серега.

– А я и буду учителем, вот кончится эта неразбериха: уйдут англичане, уйдут французы.

– Придут большевики, – перебил меня с усмешкой Серый.

– А мне до фонаря, – ответил ему я, – лишь бы все улеглось. А то ведь власти нет, прежняя сбежала и захватила с собой наших папаш, а новая не пришла. Гимназии не работают, университет закрыли, почта кое-как, многие магазины позакрывали, хорошо, что у англичан и французов можно пожить, да рыба в море не вывелась.

– Хорош, философ, распустил хвост как павлин, и трещишь как сорока, пора домой и чем скорее, тем лучше.

– Да, Ушастик, ты прав, пора-пора; а я, замечу тебе, не трещал, а забивал твои кенгуриные уши полезными знаниями, чтобы зря не торчали на твоей еще не спелой тыкве.

И мы, прихватив свой улов, пошли домой, упражняясь в красноречии. По дороге до самого города нам не попало ни единой живой души. Это нас совсем успокоило.

– Ты, Жоржик, смотри никому ни слова о том, что видели, ведь их будут искать.

– Не совсем дурак, понимаю, еще не хватало быть свидетелем.

Рыбу поделили поровну.

– А это Муське передай, – смущаясь говорил Серый, вытаскивая из своей торбы самую крупную ставридку, и непременно скажи, что от меня. Говорил, а уши у самого налились краской так, что будто их кто-то час растирал снегом.

– Я вообще-то выполню твою просьбу, только скажи, почему твои всегда серые лопухи, вдруг стали красными.?

Дурак ты, братец, – озлился Серый, дал мне один полновесный поджопник, и побежал к своему двору, чтобы не получить сдачи.

Я вошел во двор, затворил за собой калитку, бросил мешок с рыбой на траву и усталой походкой побрел к крыльцу. Мать копошилась в огороде и поначалу не заметила моего возвращения.

- Доброе утро, мама, я там рыбки принес, пожарь на обед.
- Доброе, сынок, оно бы было еще добрее, если бы ты на работу устроился, скоро хлеб не на что будет купить.
- Что ты, мамочка, я этого не допущу. На работу устроиться трудно, но я что-нибудь придумаю.

На самом деле работа – это великая проблема. Многие лавки и мастерские временно были закрыты, хозяева боялись иностранных солдат, не доверяли им и не знали долго ли они будут здесь? Работа была только в порту, но там претендентов было много и за место грузчика даже возникали драки. Я любил подраться, например, из-за девчонок или во время дворовых футбольных матчей, или когда мухлевал во время игры в карты и получал от противника по башке. Но в драках из-за работы никогда не участвовал. Гуляя в одиночку по приморской набережной, я иногда выпрашивал франк или шилинг у офицера Антанта. И мне нисколько не было стыдно брать у них деньги, а вот у своих никогда в жизни не попросил бы, даже если бы с голоду подыхал.

Однажды, звеня пенсами и шилингами в кармане, я прогуливался по приморской набережной. На широкой лавочке в белых парусиновых робах и темных брюках несколько иностранных моряков играли в карты. Я подошел поближе и стал с любопытством наблюдать за игрой. На кону были деньги, а игра напоминала нашу «БУРУ». Я некоторое время присматривался к играющим и понял, что я кое-какие монеты смогу унести отсюда. В гимназии среди моих любимых предметов, кроме литературы и истории, был английский, потому я легко разговаривал на нем с нашими непрошенными гостями.

- А можно мне карту? – спросил я их по-английски.

Один весельчак удивленно повернулся ко мне, посмотрел с любопытством, улыбнулся, чуть подвинулся и сказал: пожалуйста.

Остальные тоже довольно дружно заворковали: пожалуйста, пожалуйста и роздали мне карту. На кону лежало десять долларов и среди них два моих. Я сидел последний по очереди, и пока она дошла до меня, банк вырос до двадцати. Я показал пальцами, чтобы мне дали сразу две и приняв их, прикрыл ладошкой. Они ждали с любопытством, глядя на меня. Я сделал томительную паузу и, не открывая карт, попросил еще одну. Опять помолчал, а потом улыбнулся и вскрыл карты. Четыре короля!

– О!! корош, мальчик, – сказал тот, который усадил меня за стол. Я быстренько сгреб валюту и положил в карман. Давненько у меня в руках не было столько денег с тех пор, как исчез отец. Я встал, извинился, потер ладошки и сказал: гудбай, френды. Они все как по команде, удивленно-вопросительно посмотрели на меня и стали усаживать вновь за игру, один даже потянул за рукав ветровки, пытаясь вернуть на скамью, я легко высвободил руку и тихо сказал по-английски: нельзя, мама будет ругать, и они хором засмеялись, так как я еще и сгримасничал, как обиженный ребенок. Я знал, что такое карты и в следующий раз может не повезти, и не исключено, что я просажу все и те два доллара, которые у меня были. И что скажу маме?

Один из них неодобрительно покачал головой, но настаивать не стал. Так я впервые выиграл у иностранцев деньги.

Долго я еще бродил по городу впустую, просаживая время, а к обеду вернулся домой. Во дворе, на лавочке Серый тоже в карты, но в «дурочка» играл с Марией. Они не видели как я появился и весело смеялись от того, что Муска усердно колотила по носу колодой карт своего любимого и приговаривала: не будь дураком, не будь дураком.

– Эээ! Остановись, умерь свой пыл, сестренка, насмерть забьешь пацана, и с кем я буду ходить на рыбалку?

Я конечно же застал их врасплох, и они оба засмутились.

- Откуда тебя черт принес, рыбачок?

– Обычно один говорит: откуда? другой отвечает: от верблюда.

– Все, спасибо, ясно, больше вопросов нет.

– Вот и я говорю: нет, а у меня есть, как например: и что это ты вокруг Марии Сократовой вертишься?

– А тебе то что? – встряла в наш разговор Муська, – тебя ж никто не спрашивает, когда ты у Веры Павловной в саду цветочки подстригаешь? Ты ведь не садовник?

– У Верки, что ли? – как-то неожиданно смутившись, ответил я, и почувствовал, как у меня загорелись уши.

– Нет, не у Верки, а именно у Веры Павловной, – поправила меня Муська, – конечно не у той, что в романе Чернышевского, а у той, которая живет возле грузинской пекарни. Она года эдак на два – три постарше тебя, красивая, богатая вдова, у тебя конечно губа не дура, но, как мне кажется, ты в нее влюблен по уши.

– Ну все, хорош, Моська, остынь, плетешь всякую ерунду.

– Ха-ха! – перебил Серый, – я то могу подтвердить, как ты ее в щечку поцеловал, а потом, когда ты обращаешься к младшей сестре, говори Муська, а не Моська.

Вера действительно была и уже успела овдоветь (муж ее утонул в море вместе с баркасом, во время шторма), и она мне нравилась, хотя и была старше меня. Она такая красивая, красивая, что я млел при виде ее. Она это чувствовала и вертела мною как хотела. А однажды сказала, что я симпатичный, но слишком молодой для нее, просто пацан. Я так обиделся, что долго ночью не спал.

С Серым мы учились в мужской гимназии и навыков отношений с женским полом у нас не было. Ему повезло, что у меня была сестренка почти его возраста. Симпатичная вихрастая блондинка, что-то нашла в этом лопухом, долговязом гимназисте. Он был добрым застенчивым парнем; и мы долгое время втроем совершали вылазки на пляж и в горы. Муська была шустрая, бесстрашная, веселая девчонка и сумела быстро завладеть сердцем этого несмышлёныща. Время шло, они выросли и все чаще и чаще уединялись под разными предлогами.

С Верой Павловной мы познакомились случайно, хотя она жила недалеко от нас.

До исчезновения отца, в свободное от учебы время мы проводили с Серым в затоне, где рыбаки и владельцы яхт швартовали свой парусный и весельный флот, на ночлег и на отдых. Там стояла и наша небольшая парусная яхта. Отец научил меня управлять парусом, но выходить на морские прогулки самостоятельно не разрешал.

Он хранил ключи от замков яхты в доме на стене, на самом видном месте, наивно полагая, что их никто не тронет. Возможно так бы и было, если бы ни его долговременное отсутствие. Однажды мы втроем рискнули нарушить отцовский запрет и выйти на яхте самостоятельно.

В затоне было тихо, безлюдно, лишь на корме соседней яхты одиноко сидела красивая брюнетка лет 17ти-18ти, в белой матроске, бескозырке с синими лентами, которые развевались, играя серебристыми якорьками на свежем ветре и смотрела в морскую голубизну.

Я был поражен ее безмерной красотой: темные шелковистые, волосы моментами открывали ее греческий профиль, сверкающий пленительными глазами, цвета морской волны, таинственной позой одинокой нимфы, ищущей на горизонте неизвестный корабль. Мы все остановились и замерли, любуясь этим живым изваянием. Некоторое время мы были неподвижны. Потом девушка, вероятно почувствовав наше присутствие, обратила свой взор к нам. Глаза ее были полны тоски и грусти. Она достала из рукава матроски платочек и прислонила его к глазам, потом невесело улыбнулась и ответила на наше приветствие. Я, как всегда, предводитель нашей маленькой компании, сегодня замешкался, растерялся и стоял, не зная идти или не идти к своей яхте. Девушка по трапу сошла с кормы на берег и подошла к нам.

– Вы чьи будете, молодые люди, я прежде вас здесь не видела? – мягким располагающим голосом спросила она.

– Вот на яхте написано: «Сократ,» – первой ответила Муська, указывая рукой в сторону нашего судна.

– Так вы Сократа Панаетовича дети? – как бы удивилась она.

– Не все конечно, – поспешил ответить я, – вот этот шалопай, конечно, не нашего поля ягода.

– Будем знакомы, – шагнув ко мне и протянув руку с тонкими изящными пальцами, сказала незнакомка, – меня зовут Вера Павловна.

– Ого-го! Ничего себе! – воскликнул Серый, – тогда он есмь Георгий Сократович, а вы случайно не героиня романа?

– Нет, к сожалению, роман мой уже закончился.

– Я Сергей, а это Муська, нет простите – Мария Сократовна, а почему ваш роман закончился так рано?

– Не очень ли ты любопытен, мой друг, для первого раза, – остановил я его, продолжая держать ее нежную руку в своей. Какой-то слабый ток пробежал сквозь это прикосновение и волновал меня. Ранее никогда ничего подобного я не испытывал.

– Отчего же, пусть спрашивает, мне лучше поговорить с кем-то, чем носить в себе горе. У меня недавно утонул муж – вот я и прихожу сюда пообщаться с ним. Так мне иногда кажется, что он вот-вот выйдет из морской волны. Но это только кажется.

Так и состоялось мое знакомство с Верой. Я сразу заметил, что она смотрела на меня добрыми глазами. Может мне показалось, а может я в нее влюбился?...

Очнувшись от приятных воспоминаний, я вновь обратился к Серому.

– Ну, вот, а теперь я тебе расскажу, где я был и что делал.

– Ну-ну, – наострила ушки Муська, – мы тебя внимательно слушаем.

– Ишь ты, мы тебя внимательно слушаем, смотри: греческая дипломатка нашлась, давай, мелочь отсюда, у нас тут мужские секреты.

– Подумаешь, ну и шепчитесь, а я отойду в сторону.

– Нет-нет, иди-ка ты к себе в комнатку, сестричка, так надежней будет.

Мы остались одни, и я стал рассказывать Серому, как Антанту в карты обыграл.

Серый от души смеялся, а потом сказал:

– Покажи деньги.

– Вот еще Фома неверующий, на смотри.

И я достал из карман десять зеленых бумажек по два американских доллара.

– Вот это да!!! – восхитился Серега. Будто я не 20 долларов показал, а две тысячи.

– Теперь буду каждый день ходить.

– А если проиграешь? – серьезно спросил Сергей.

– Нее не проиграю, – уверенно сказал я.

– Ну а если?

– Тьфу пристал, как банный лист. Накаркаешь.

– Я тебе не ворона.

– Ты только Муське и маме не говори, что я в карты играю. А я скажу, что у сухогруза трюмы разгружал и отдам ей деньги.

– Ну ты там пару долларов оставь, в кинематограф сходим и Муську с собой возьмем.

– Не возражаю, – согласился я.

У Сережки на девичьем фронте было все в порядке, а вот у меня нет.

– Сестры у него не было, а если бы и была, то вряд ли бы я в нее влюбился, – рассуждал я, – наверное у нее были бы такие же растопыренные уши как у него, у его брата и отца, вероятно эта фишка особенность их семьи. Хорошие они люди, ну вот уши, так уши и никуда от них не денешься, так что хорошо, что у них не родилась девочка, – подытожил я свои рассуждения.

Правильно говорят: в карты не везет, значит в любви повезет, а вот Серый в карты вообще играть не умеет.

Прошло две недели после того, как мы случайно оказались свидетелями убийства. Газеты молчали, ни одна листовка не гласила ни о каких происшествиях. И мы решили после долгого перерыва проверить наши рыбацкие снасти.

– Там рыбы наверное целый вагон! – предвосхищая успех, говорил Серый, когда мы по утрам решились посетить наше место.

– Рыбы конечно много, но она вся уже протухла, дней-то прошло немало.

– Да ну, брось, вода не больше трех градусов, что с ней будет, в сетке может и не выдержит такая, а вентерь – для нее благодать.

– Пожалуй, – не стал спорить я, ведь в рыбацких делах он был более осведомленным мальчиком.

Рыбы действительно было много, кое-какую мы бросили в костер, т. к. она уже уснула и ароматный запах жаренного наполнил утренний воздух. Захотелось есть. Мы разделали несколько ставридок, насадили их на очищенные от коры тонкие веточки и получился шашлык на вертеле.

– Ха, ха и никакого ресторана не надо, – восклицал мой дружок, уплетая жаренную рыбу.

– Всем хватит и еще останется, – резюмировал я, – раздадим соседям.

После невероятно вкусной рыбы мы собрали улов, уложили его в рюкзак, оделись и двинулись домой.

– Стой! – воскликнул я, – а сетки, вентери, кому оставили?

– Понятно, значит идти мне, ладно все сделаю и догоню, только сложу в пещеру инвентарь и догоню, – повторил обреченно Серый.

Я тихо пошел, а он протиснулся в щель, подтащил сетки, и стал укладывать. Он как всегда не ходил вглубь, а оставлял все у самого входа, но так, чтобы с берега не было видно. Проделав все как обычно, он, вдруг, почувствовал всем телом, шеей, лицом, головой, руками, что в пещере он не один. Мурашки пробежали от головы до пят, метнув его к отверстию. Он лихорадочно протискивался наружу, обрывая пуговицы на парусиновой ветровке, наконец выпав из пещеры, он истерично заорал: Жора!!! Услышав в его голосе страх и истерику, я резко повернулся, сбросил рюкзак и бросился к нему. Он лежал припав к земле и тряся. Несколько мгновений... и я уже стоял возле него, что, что случилось?

– Там, ттам, – заикался он, показывая рукой в пещеру, вскакивая и на ходу крича: там кто-то есть.

Он бежал сломя голову наутек.

– Стой же, стой, – крикнул я.

Добежав до сброшенного с плеч рюкзака, я остановился и удержав его рукой, спросил: толком скажи в чем дело? Он обернулся на пещеру, глубоко вдохнул и выдохнул воздух и сказал: Там кто-то есть!

– Кто?

– Откуда я знаю. Я сначала почувствовал, а когда кинулся к лазу, споткнулся о какой-то ботинок! – волновался он.

– Может тебе померещилось, ты же всегда говоришь, что там какие-то звуки.

– Да-нет это не звуки!

Ну видишь: никто нас не преследует, пойдем потихоньку глянем.

– Нет, только без меня, я и так чуть не обмочился, иди, если хочешь.

Ну и пойду, по логике вещей, кто-то да дал бы о себе знать, а тут тишина.

– Я бы на твоём месте не ходил бы, мало ли что.

– Конечно страшно, но как уйти, не убедившись, есть там кто или нет?

– Не ходи, Жоржик, пожалуйста, не ходи! – умялял меня Серый.

– Давай так: ты будь готов к броску, а я тихо-тихо подойду к пещере и послушаю.

Залезть в пещеру, конечно, смог бы и я, но для этого надо было снять одежду и проползти по воде вовнутрь. Высота от дна до верхней точки лаза была около сорока сантиметров, этого было достаточно, чтобы оказаться там. Но каждый раз мочить или снимать одежду или рисковать поцарапать пузо о всякий мусор, который выбрасывало море мне не хотелось.

Я тихонько подобрался к пещере и прислушался. Море было спокойное и никак не помешало бы мне уловить звуки из пещеры. Но там была тишина. И я, осмелев, подобрался еще ближе, прислушался: опять тишина. Я подобрался к лазу и снизу заглянул в пещеру, шаря глазами по ее стенкам. Утренний луч солнца едва протискивался сквозь щель и плохо освещал ее, но кое-что можно было разглядеть. Вдруг мой взгляд наткнулся на армейский ботинок. Он лежал подошвой ко мне и было возможно даже различить глубокий овальный рисунок, заканчивающийся железной армейской подковой. Я присмотрелся и увидел его продолжение: черное армейское галифе, в каких ходили английские военные. Да это была чья-то нога, но она не шевелилась. Я подождал еще немного, придвинулся, присмотрелся и просунув удочку в нижнее отверстие осторожно со страхом, ткнул ею в ботинок и тут же выдернул назад. Сердце колотилось, так, что аж отдавало в голову, будто я пытался дразнить хищного зверя, но ботинок не шевельнулся. Я на всякий случай, но уже смелее, пошурудил удочкой и окончательно понял: там лежал человек и скорее всего мертвый.

– Но как он туда попал? – подумал я, – захочешь не залезешь, а тут мертвец. – Серый, – крикнул я, – иди не бойся, здесь мертвец.

– Тем более не пойду, – отмахнулся он рукой.

– Вот трус, давай иди, иди, надо принять какое-то решение.

– Тебе надо ты и принимай, – не двигаясь с места кричал мне он.

– Ну да черт с ним, – согласился я, – идем домой.

А как же теперь наши сетки и вентерь? Все равно ведь придется потом лезть туда. – говорил я – маршируя рядом с Серым и едва поспевая за ним. Он не шел, а скорее бежал. Страх у него еще не прошел.

– Вентерь сделаем новый, а сетку купим и ходить будем в другое место.

– Молодец, браво! Все разложил по полочкам. А за какие шиши сетку купим? – спросил я.

– Подумаешь, еще пару раз обыграешь Антанту и порядок.

– А если проиграю?

– Проиграешь, хватай деньги и беги.

– Слушай, Серый, а ты гений: бегаю я сам знаешь, как заяц от волка, а офицеры-англичане, они важные такие, кто из них побежит за мной? Вряд ли, а если и побегут не догонят, а за каких-то 5-10 фунтов не будут же стрелять.

– Нет, конечно, не будут.

– Ну ты и Жук, Серый, все хорошо придумал, только скорость сбавь, ведь этот что в пещере точно бегать не умеет.

И мы рассмеялись и вразвалочку продолжили свой путь.

– Но все же меня гложет мысль: что это за заколдованное место?

– Ты знаешь возможно это повторение контрабандистами того же убийства, только сухопутный вариант. Только убили и затолкали в пещеру, чтобы на глаза не попался.

– Значит и нам сюда ходить нельзя, – заключил я, а властям надо как-то сообщить.

– Но как? а может быть англичанам? – задумался Серый, – можно, есть вариант, чтобы все узнали, но не узнали кто сказал.

– И что это будет за фокус?

– Все очень просто: сорвем где-нибудь старый плакат, возьмем мускины краски, и ты на английском языке напишешь, что там-то и там-то находится труп английского моряка, а поздно

вечером не далеко от грузового порта, там их КПП, приклеим к стене. Они и труп найдут и пещеру нам почистят.

– То что ты заяц – это понятно, а ведь иногда бываешь и гений. УРА!

– Плакат долго искать не пришлось. Рекламные тумбы, обклеенные театральными афишами, разными торговыми рекламами и частными объявлениями, красовались чуть не на каждом перекрестке и вдоль всего приморского бульвара. Мы подкараулили одного расклейщика реклам и в обмен на сигару выпросили у него свеженький плакат. Он радостно улыбнулся, покрутил перед глазами сигару, понюхал ее и с радостью выдал нам сразу две бумаги.

– Для чего вам она, мальчишки? – так ради формального любопытства спросил он.

– Селедку заворачивать будем, – с улыбкой ответил Серый.

– Какую еще селедку? – иронически усмехнулся рекламщик.

– А ты что не знаешь? – с серьезной миной удивился Сергей, – вот фраер, весь город сбежался к пристани: там англичане разгружали продовольствие и уронили бочку с атлантической сельдью, она и разбилась. Так все и бросились подкормиться на халяву.

– Где? – готовый к старту спросил парень.

– А вон видишь, там в конце пирса народ собрался-, указывая вдаль продолжал хохмить Серый.

Рекламщик, бросив кисть в ведро с клеем и, наспех засунув подмышку плакаты, ринулся в сторону, куда указал Серый.

– Ну ты даешь, бродяга, – с усмешкой осуждающе сказал я, – а как он вернется и накоптыляет тебе?

– Тьфу, – небрежно бросил Серый, – а ты для чего?

– На скандал нарываешься, давай смотаемся, еще не хватало драку здесь устраивать.

И мы, смеясь, свернули с этого места в боковую улицу.

– В городе итак было неспокойно. Бесконечная смена власти, суета и ожидание конца оккупации. Английские моряки, бессмысленно слонявшиеся по грязным улицам, духанам, кофейням, от которых исходили разные приятные и неприятные запахи: жареной баранины, соленой рыбы и пива. Им не было команды стрелять или терроризировать население, так выполняя свой союзнический долг, они присутствовали на нашей территории. Но сами понимаете, когда в твоём доме гости, да еще незваные, да еще и надоедливые, хочется от них побыстрее избавиться. И только частые проливные дожди, смывающие все эти запахи в море, очищающие воздух от этого смрада, разгоняющие по казармам спящих от безделья солдат и офицеров оккупационной армии, на время возвращали нас в родной Батуми, наполненный ароматом мимоз и морского йода.

– А что будет, Жорж, после того, когда они найдут труп своего соотечественника? – спросил меня Серый, когда мы подходили к дому.

– Трудно даже предположить, Серый, это зависит от многих факторов и строить какие-то предположения глупое занятие. Нам важно чтобы они почистили пещеру, а так они иностранцы, чужие для нас люди.

– Слушай, а кто писать будет? и как мы у Муськи краски возьмем, ведь допытываться станет: куда, зачем, для чего?

– Придется все ей рассказать, дружок!

– Согласен.

Вечером мы уже шли втроем, Муська держала плакат подмышкой, а мы смотрели в четыре глаза, чтобы никто не стал свидетелем наших дел. Было около двенадцати ночи. Батуми в это время спит. Гаснут последние огни. Темная ночь. Холодная вода и теплый воздух смешиваются и превращаются в туман. Это то, что нам нужно. Мы крадемся к забору грузового порта. Там пришвартованы английские военные корабли. Другие стоят на рейде. Едва успели наклеить плакат на стене у входа на КПП, как послышался шум: подвыпившая компания иностран-

ных матросов возвращалась с гулянья. Один из них заметил на синем заборе светлое пятно. Это был наш плакат. Он навел луч фонаря «летучая мышь» на забор, что-то сказал, обращаясь к компании (издалека не было слышно) Потом все загалдели, сняли плакат и исчезли в проходной.

– Все, ребята, – обратился я к Серому и Муське, – дело сделано.

– Пошли на пирс, там сейчас тихо и таинственно, – предложила Муська.

– Хочешь контрабандистов увидеть, – усмехнулся Серый, – думаешь они специально для нас операцию разработали.

– Ладно тебе, Ушастик, обиделась Муська, – так все интересно!

– Ладно пошли, только тихо.

Мы очень хорошо ориентировались, в своем городе пацанами не раз ходили на ночные купанья. Это сейчас, когда оккупанты были в Батуми, мы по ночам не гуляли. Приказом губернатора был назначен комендантский час, и один из пунктов его гласил:

«За нарушение комендантского часа расстрел! «Это, конечно было серьезно, но не на столько, чтобы мы не нарушали его почти ежедневно. Мы хорошо знали каждую улочку, каждый переулок, поэтому никакому патрулю нас не обнаружить, а тем более не поймать.

В основном они крутились возле своих объектов, и мы старались ночью к ним не подходить, да и час этот ввели не для мирного населения Батуми, а для османских террористов. Сегодня правда мы рисковали, но...

На обратном пути Муська и Серый ушли далеко вперед, а я вышел к ночному морю. Дул прохладный ветер, наполненный запахом нефти. Английские танкеры вывозили батумскую нефть через Босфор в страну Туманного Альбиона. И когда они стояли на рейде, то ветер приносил этот вонючий запах, в город. А вот осенью и зимой здесь всегда стоял апельсиновый аромат. Сухогрузы в открытые трюмы грузили сотни тонн цитрусовых плодов, купленных за копейки. Но сегодня этот неожиданный для меня запах нефти прогнал меня с пирса. Я вспомнил, что здесь, недалеко, на окраине Батуми жила Вера. Я был однажды в ее усадьбе, она при встрече всегда звала меня в гости, но я стеснялся, хотя кажется очень хотел видеть ее. Жила она одна. У мамы был свой дом и бросать его она боялась.

Что-то невольно потянуло меня к ее забору, когда я проходил мимо. Было поздно. Ночь в разгаре, но в одном окне ее дома был виден тусклый свет.

– Не спит, – подумал я, а может и спит, а это догорает свеча или лампадка. Перемахнуть через высокий забор – пару пустяков для меня, и я не раздумывая вдруг оказался у чуть освещенного окна. Край его был едва выше моих глаз. Я снял картуз, спешно спрятал его в карман и взявшись за подоконник, приподнялся на цыпочках. Вера сидела у самого окна и не то почувствовала, не то заметила меня. Она насторожилась и стала прислушиваться. Форточка была открыта, и звуки сада могли быть слышны ей. Трудно было пересилить желание. Я и хотел, и боялся обнаружить себя. Но видно было, что она уже встревожена.

– Вера, – какой гортанный шепот вырвался у меня из груди.

Она резко повернулась, в испуге вглядываясь в темноту окна.

– Это я Жоржик, ты помнишь меня?

Она узнала мой голос, еще раз присмотрелась, прислонив руку к стеклу, затем отодвинула засов и сразу как бы осуждающе спросила: Ты что здесь делаешь ночью, герой-любовник?

– Я я, – заикнулся и тут же нашелся, – я убегаю от патруля, открой же скорей.

– Прыгай, полуночник, пока на расстрел не отвели, – раскрыв обе половинки окна, сказала она.

Я взвился всей своей неистраченной прытью и оказался возле нее. Приятная теплая волна, перемешанная с каким-то ароматом духов, пахнула на меня, опьянив сумасшедшую голову. Передо мной она, моя королева в прозрачном розовом пеньюаре, через который туманно проступала вся ее божественная нагота. Сколько мужества надо, чтобы удержаться и

не броситься в объятия этой феи. Я весь дрожал, теряя дар речи. Я не знал, что делать дальше. Она мягко улыбнулась, сделала плавный шаг в сторону, как бы приглашая меня на диван, и сама присела на край. Она лукаво, но безобидно улыбаясь спросила: Тебе молока или воды?

– Я не званый гость, вторгшийся среди ночи в твой дом, не смею выбирать. Для молока, если это намек, то я уже вырос, а вот холодной воды стаканчик можно, – совершенно сконфуженно ответил я. Вдруг она прыснула заразительным смехом, поняв невольную глупость, которая прозвучала в ее вопросе, встала подошла ко мне и как-то по-матерински, прислонив мою голову к своей груди, сказала, чуть сверху глядя в мои глаза: Прости, Жоржик, я не хотела тебя обидеть, так случайно вышло.

– О боги, что со мной случилось! Я перестал чувствовать себя, голова моя кружилась только от одного ее прикосновения. Я не понимал, что со мной происходит. Я боялся шевельнуться, чтобы не опрокинуть сосуд, из которого обволакивающим потоком струился этот дурман. Я непроизвольно обнял ее за талию и еще крепче прижался лицом к ее груди. Не знаю, что она чувствовала, но я тоже ощущал ее импульсивное дрожание. Я поднял вверх глаза, потому что она по-прежнему стояла возле меня, а я сидел на краю дивана, боясь потерять это волшебное место. Она нежно улыбалась.

– Ты, Жоржик, как маленький ребенок, и мне хочется тебя приласкать.

Я незаметным движением привлек ее к себе на колени, и случились объятия, от которых и началась та безумная страсть, что до сих пор кипела в моем молодом здоровом теле. Она была первая в моей жизни женщина, наградившая меня счастливыми ощущениями любви.

Яркий луч утреннего солнца пробивался сквозь тяжелые шторы, играя зайчиком на стене, проснувшись я некоторое время не мог понять, где нахожусь?

Вера стояла у окна, свежий утренний ветерок трепал ее локоны, услышав, что я проснулся, она подошла к кровати и присела на край.

– Вставай, мужчина, завтрак на столе. Вода в умывальнике – вон там; ты же еще не познакомился с моим домом, – говорила она, разглаживая мою непослушную курчавую прическу.

– Ой, Верочка, вдруг всполошился я, – ведь меня там уже ищут, не было случая, чтобы я не пришел домой ночевать, там мать наверное уже с ума сходит. Мы же ушли втроем, они дома, а меня нет. И я ведь никого не предупредил. А ведь комендантский час их может напугать. Думают, наверное, что меня в комендатуру забрали. Я говорил и быстро одевался. Мне было так неудобно перед Верой. Ведь она может обо мне плохо подумать.

– Верочка, прости, я веду себя, как маленький ребенок, но я люблю маму и не хочу, чтобы она волновалась. А я, что я сотворил?

Она молча сидела и улыбалась, глядя на то, как я суетливо одевался.

– Ладно, мой мальчик. Я тебя сегодня отпускаю, хотя ты вернул меня к жизни, после моего горя – это первая счастливая ночь.

Иди, а если это было не просто так, то ты еще придешь.

Мы поцеловались, и я пулей вылетел со двора. Деревья, цветники, рекламные тумбы мелькали и уносились вспять с той большой скоростью, с какой я мог только бежать. Два чувства перебивали мое понимание момента. Первое, что я был так счастлив с Верой, Верочкой, любимой. И второе: мама, моя дорогая мама, она там волнуется, переживает и, наверное, плачет. И мне хотелось быстрее это уладить, чтобы потом наедине с собой наслаждаться воспоминаниями.

Я влетел в ворота как бешеная собака. Мама, Серый, Муська и дядя Нико, одновременно повернули головы в мою сторону. Это надо было видеть. Сначала немая сцена... а потом мама кинулась ко мне: Сыноок! Я обнял ее и стал успокаивать.

– Все в порядке, я живой и здоровый, просто так получилось.

– Как так, Жоржик! Я места себе не находила. Вот и они, – она указало рукой на Серого с Муськой, – они мне ничего вразумительного не могли сказать.

– Мама, мне уже 18 лет, а может у меня любовь?

– Что, какая такая любовь?

– Я так и подумал, что он к Верочке зарулил, – выпалил Сергей, – вот блудливый кот и нам ничего не сказал.

– А ты вместо того, чтобы друга прикрыть выдаешь его с по-трахами, – заговорил дядя Нико. – Все все успокойтесь, а ты, Жоржик, помни иногда, что ты у матери опора и надежда. И хватит, как говорится, расходите по домам.

Он обнял меня за плечи и отвел в сторону.

– На первый раз прощаю твою выходку.

– Да, дядя Нико, все получилось неожиданно.

– Ладно, пока и мать не обижай, – пожурил дядя и направился к выходу.

Гимназия, которую мы с Серым не успели закончить, уже не в первый раз переходила из рук в руки. Два года назад, ее заняли турки. Теперь пришли англичане и тоже облюбовали это здание, на первом этаже был штаб, а на втором и третьем расселились сухопутные офицеры и сержанты. Надо заметить, что за первые пять дней они привели здание в порядок: почистили двор, покрасили масляной краской стены, оконные рамы в белый цвет, паркет натерли мастикой и надраили швабрами. Аккуратисты были не чета туркам. Часовые в парадных формах и белых перчатках важно расхаживали вдоль здания, охраняя штаб. Мы шли мимо, озираясь по сторонам в поисках объявлений. На одной из тумб мы прочитали, что требуется садовник.

– Иди сюда, Сергей, – подозвал я его, зазевавшегося возле открытого окна.

– Что прикажете, ваше величество, – какие распоряжения будут?

– А никаких, просто здесь написано, что им нужен садовник, пойдешь?

– Один нужен или два?

– Написано один, но мы можем поделить должность.

– Чего там делить: шесть фунтов в месяц, я такие деньги у них за час выиграю.

– Или проиграю, – добавил с усмешкой Серый.

– Не исключено, риск – дело благородное.

– Что мы все о деньгах да о деньгах, давай сменим пластинку. Например, расскажи, как твои любовные дела с Верочкой обстоят?

– Я же тебя не спрашиваю, какие дела у тебя с Марией.

– Да мы перед тобой, как на ладони и какие такие еще дела.

– Уйдут англичане, ведь они когда-то уйдут? Найду работу, и мы поженимся.

– Уж ты какой ушлый, а ничего, что ей только шестнадцать?

– У ты, что хочешь чтобы на тридцатилетней женился?

– Нет, вообще-то дело ваше – это я так, как бы рассуждаю.

– Понятно: разговор в сторону уводишь, – покачав головой намекнул Серый.

– Ну, то что ты хочешь от меня услышать, я тебе все равно не скажу, а то что она мне нравится – это и так ясно.

– Ну она ведь на целых два года старше тебя.

– И что из этого. Она не только красивая, но и умная и нежная.

– Вот с этого места поподробней, – лукаво заметил Серый.

– Да иди ты к черту, поподробней ему, ты и сам, малый не дурак, а и дурак немалый.

Мы рассмеялись вместе и пошли дальше.

Город был похож на большой военный лагерь, солдат и офицеров было больше, чем жителей.

И мы не могли понять, для чего все? Боевых действий никаких не было, только большие военные корабли стояли на рейде, а катера баражировали в гавани, засоряя акваторий гарью и

запахом керосина. Пляжи были пусты, сезон купанья еще не был открыт, лишь кое-где младшие морские офицеры и мичманы играли в карты, о чем-то громко говорили и смеялись. Мы никогда не видели их противников, с которыми они якобы намеревались воевать. Раньше были турки, но их кораблей не было, и они в основном засиживались в духанах, где курили кальян. Потом как появились, так же неожиданно исчезли, оставив после себя горы мусора. Англичане зашли в Батуми без единого выстрела. И вот теперь ходят здесь, чувствуя себя хозяевами. Нам все это не нравилось. Мы не понимали: есть власть, нет власти и вообще, только дома, была какая-то привычная обстановка. Правда по двору уже не гуляли важные индюки и не слышалось их гортанного клокотания потому, что мама давно их снесла на базар. Ведь их надо было еще и кормить. А кукурузу покупали теперь только для того, чтобы молоть ее и варить мамалыгу. Остались только две козы, которые и зимой и летом сами находили себе еду, а нам давали по два литра молока. Которым мама поила только младших: Женю и Валю.

– Слушай, – опять прервал мои размышления Серый, – вон смотри: там в картишки играют, и он указал кивком головы в сторону пирса, – может пристроишься?

– Мою голову в петлю суешь? Ничего себе друг!

– Да я же играю только в дурака.

– Ладно попробуем, только смотри, если проиграю, как ты говорил, хватаю деньги и наутек, и ты тоже, только в разные стороны.

– Договорились. Только ты уж постарайся выиграть.

Пятеро английских морячков жарко спорили, перебивая друг друга. Когда мы подошли, они тут же умолкли, а потом один из них хлопнув приятеля по спине, сказал по-английски: что затихли, они же не понимают, о чем мы говорим.

А говорили они об убийстве английского мичмана, которого нашли в пещере по объявлению. И что в кармане брюк его была россыпь опиума, и что им ясно, что это работа турок, и что местное население травкой не торгует, а те кто курит, сам ходит за кордон. Они говорили еще и о загадочном исчезновении двух их товарищей. И теперь им стало ясно, что без контрабандистов дело не обошлось.

Они продолжали играть в карты, разглагольствуя на эту тему, а Серый толкал меня кулаком в спину и говорил шепотом: ну давай, же предложи им сыграть с тобой. Он почему-то был уверен в том, что я их обязательно обыграю.

– Отстань, – сказал я ему, – у меня другие планы. Они говорили о вознаграждении, назначенном за поимку преступников.

– Друзья, – сказал я им по-английски, – я готов помочь Вам найти контрабандистов, если, конечно, ваше поведение будет джентлменским. Помню мы еще в гимназии читали, что англичане порядочные люди, умеют держать слово.

Они оставили игру и внимательно посмотрели на меня.

– Говорите, говорите одобрительно закивал головой один из них, вероятно, старший.

– Мы хотим вашу помощь.

Я кое-что знаю и как поймать контрабандистов знаю, только вознаграждение вы мне даете сначала, а потом, я буду рассказывать все.

– Нет, – сказал старший, – а может быть ты мошенник.

– Может и мошенник, трудно верить не знакомому человеку, – согласился я с ними.

– Мы договоримся так, аванс сто фунтов вы даете моему другу, и он уходит, а я остаюсь с вами, и когда мы поймем убийцу, тогда вы отдаете мне остальные деньги и отпускаете, идет?

– Идет, – сказал старший, протянув мне руку, подкрепляя нашу договоренность. – Только сейчас мы наберем сто фунтов, остальное, если найдем преступников, выдаст высший командир.

Они сгрудились, пошарили по карманам и все пятеро в равной доле скинулись по 20 фунтов. Когда они вручали деньги, у Сергея аж заблестели глаза. Я это заметил и сказал: пока про деньги никому ни слова, спрячешь в наш тайник. Серый опустил глаза в знак согласия.

– А теперь домой, и до моего возвращения никуда, ты теперь один мужчина на две семьи.

– А если спросят почему один? – поинтересовался Серый.

– Скажешь, что я у Веры Павловны в гостях. Семь бед – один ответ, давай пока.

Сережка ушел, а я собрал англичан в кучку и стал рассказывать о происшествии в приграничном Хопе. Англичане с интересом слушали, а старший достал блокнот и стал что-то записывать.

– Ты видел контрабандистов в лицо? – поинтересовался круглолицый, усатый моряк.

– Нет, не видел, но в бинокль я хорошо рассмотрел их одежду, такой я раньше не встречал. И если я еще раз увижу, то обязательно узнаю.

– А где же ты будешь их искать? – опять обратился ко мне старший.

– Где же еще – на базаре. И есть еще греческая обитель, там торгуют опиумом, но вряд ли они туда сунутся. Вы попросите свою полицию, чтобы розыск не объявляли, а то они испугаются и притихнут. Конечно, если они заметили вас, когда вы из пещеры труп извлекали, тогда будет труднее.

– А у тебя, бой, голова работает, – усмехнулся офицер.

– Я давно уже не бой, а джентльмен, – с достоинством ответил я.

– Сори, сори, беру свои слова назад, – извинился офицер.

Мы всей компанией пошли в штаб английской армии.

– Вот если не найду контрабандистов? – подумал я, – придется бежать и прятаться самому.

– Меня повели к военному коменданту Батуми.

Высокий, стройный, усатый генерал, вежливо, но строго принял меня вместе со старшим офицером. До моего прихода ему в подробностях передали мой рассказ, поэтому он задал мне первый и очень неприятный вопрос, он был ожидаем, но не желаем.

– А почему вы сразу не обратились к командованию и не сообщили о происшествии?

– Ваши офицеры утонули, и вы могли бы нам не поверить, а вот когда мы нашли труп в пещере, тотчас написали на бумаге и инкогнито оповестили о происшествии.

– Верно, – сказал генерал. Так вот: назначено вознаграждение за поимку преступников в тысячу фунтов стерлингов, и если ты их найдешь, то деньги будут твои, а это большие деньги. Слово генерала! А если нет, смотри! – пригрозил он.

После разговора с генералом, у входа в штаб меня ждал фаэтон. В нем сидел незнакомый мне кенл (полковник) наверное их военный жандарм, и мичман, один из тех, кого я собирался ранее обыграть в карты.

– Куда поедет? – спросил по-английски жандарм.

– Известно куда: на базар, там решаются все темные дела, – ответил я.

Жандармская коляска катилась по брусчатке, утрамбовывая в желудке уже переваренный завтрак, я подтянул из-за спины английскую фляжку и сделал несколько жадных глотков родниковой воды. Глубоко вздохнул и повернулся к офицеру.

– Сэр, мы подъезжаем, нельзя ли потише, так мне легко будет узнать того, кого мы ищем.

– А как же мы его найдем, если ты, бой, не видел его лица?

– Начнем с того, что я не бой, а джентльмен, я уже говорил вам, сэр, об этом.

Тот заулыбался и в знак извинения наклонил голову.

– А узнаю я его по одежде.

– Это несерьезно, молодой человек, он давно мог ее сменить.

– Вот тут вы ошибаетесь, потому он и одел маскировочную одежду с капюшоном, чтобы его никто не узнал. Ведь он уверен, что в безопасности, и ему не надо приклеивать усы или

бороду. Но мне кажется, что он не настолько умен, чтобы поменять одежду. А в похожей одежде ходят только рыбаки с сейнеров, но они бывают только по воскресениям, а сегодня вторник.

Тем временем мы уже по второму разу объезжали базар по периметру.

– Сэр, я ведь могу идти пешком и зайти во все закоулки базара не исключено, что он в чайхане или где-то в толпе.

Я спрыгнул на землю и предупредив, чтобы они стояли на месте, вошел в чайхану. Предчувствие меня не обмануло, в темном углу, за столиком сидели два человека и, перебирая четки, о чем-то тихо говорили. Один из них был мне очень знаком, именно такой сидел тогда в лодке, когда я смотрел на него в бинокль. Ошибиться я не мог. У меня была великолепная фотографическая память. Меня даже будто что-то кольнуло в бок. Я сел за соседний столик, спиной к собеседникам и стал ждать, когда мне принесут кружку пива и соленую рыбу, они говорили тихо, но довольно эмоционально. Я не мог знать, о чем говорят эти люди, язык для меня хотя и был знакомый, но понимал я его плохо, хотя некоторые турецкие фразы употреблял и сам. Но понял главное, это были турки. Не дождавшись заказа, я выругался на турецком языке в сторону барной стойки и вышел. Спокойно, не прибавляя шага, я прошелся по рядам, купил стакан вина, пригубил его и, поморщившись, поставил на место. Я маскировался на случай, если турки меня засекут. И я не ошибся. Когда я как бы невзначай бросил взгляд на вход в кабак, у порога стояли мои знакомые. Но убедившись, что я не по их душу снова скрылся в подвале таверны. Когда я вернулся к своим попутчикам, они заметно нервничали, подумав, что я сбежал.

– Вы напрасно волнуетесь, сэр, мне нужны не сто фунтов, а тысячу и свое дело я доведу до конца, тем более, что я их уже нашел.

– Дааа! – неожиданно воскликнул кенл. – и где же они?

– Там, у северных ворот базара есть духан, в углу за отдельным столиком сидят два турка, в рыбацких парусиновых робах зеленого цвета. Я присел за соседний столик и заказал пиво, пока половой бегал за кружкой, я успел услышать их речь, я немного знаю турецкий, они раньше вас оккупировали Батуми, а перед заходом вашей эскадры ретировались. Но это точно были они.

– Мичман, – обратился жандарм к соотечественнику, – тихонечко сходите вместе, посмотрите, а потом мне доложить.

– Будет исполнено, сэр, – тихо сказал мичман и козырнул двумя пальцами. Мы двинулись к северным воротам, я бесконечно зыркал по сторонам, дабы не пропустить объект. Но к счастью, турки сидели по-прежнему на том же месте. Мы остановились у входа и замерли.

– Да, сэр, это они, – прошептал сквозь зубы я. Сядем за стол.

– Нет надо доложить полковнику.

Тем временем один из турков обратил на нас внимание, ведь мичман был в форме английского моряка, и что-то шепнул собеседнику. Мичман тоже заметил это и приказал мне пройти за жандармом и полковником.

– Я останусь и прослежу за ними, – иди, – тихо шепнул он.

Я вышел.

Вернулись мы через пять минут, но ни мичмана, ни турок в духане не было.

– Где же они?! – воскликнул полковник,

– Я оставил мичмана здесь, он приказал мне оповестить вас, сэр.

– Да, недооценил я турок, надо было брать целую команду, – почесывая шею говорил полковник.

Он быстро вышел, не поднимая шума и отправил жандарма за подкреплением, благо на базаре были английские патрули. Через несколько минут у входа в хинкальную собралась группа английских военных. Полковник приказал окружить помещение, а сам с жандармом и еще одним военным вошел в зал.

– Господа, прошу оставаться на своих местах, мы ищем опасных преступников. Я перевел его обращение к посетителям. Он подозвал вышибалу и через меня спросил:

– Где люди, которые сидели за этим столом?

– Какие люди? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Ты, видно не понимаешь, что речь идет о турецких контрабандистах, которые убили наших офицеров, и если ты вместо того, чтобы отвечать мне на вопросы будешь задавать их сам, мы тебя сейчас отстегаем шомполами.

Вышибала, огромного роста мужчина, лет сорока, с лысым затылком и огромными волосяными ручищами, недобро ухмыльнулся и сказал: попробуй, переведи ему, парень – повернув голову ко мне сказал он.

Но полковник только по выражению его лица понял, что сейчас будет потасовочка.

– Ну-ка, джентльмены, объясните этой обезьяне, как нужно говорить с полковником королевской армии Британии.

И несколько моряков тут же двинулись на полового.

– Ты, парень отойди, – обратился он ко мне, – а то случайно задену. И крутанув мощным торсом, разбросал по залу, уже успевших повиснуть на его богатырских плечах, британских моряков. Звон падающей посуды, треск ломающихся стульев и столов, отрезвили полковника, видно он понял, что не так начал. Оружие применять не хотелось. Он выхватил кольт выстрелил в воздух и крикнул: Стоп! Все замерли. Переведи ему: поговорим мирно и попросил всю свою команду выйти.

Когда зал очистили, он вежливо с поклоном пригласил громилу за стол и дав деньги официанту предложил штоф грузинского красного вина.

– На работе не пью, скажи ему сынок, но то что он понял, как со мной надо говорить, это уже хорошо. А деньги возьми за разбитую посуду, – обратился он к официанту.

– Говори, чертяка, что надо? Ели тебя интересуют два турка, прежде сидевшие вон там, в углу, то они исчезли, исчезли с одним англичанином.

Я перевел.

– Как с англичанином?

Так, все просто. Он им не понравился, и они пошептавшись вместе ушли.

– Куда ушли?

– А вон туда, – указал он рукой в темноту. – Там есть потайная дверь, которой пользуется хозяин и некоторые преданные ему люди.

– А ты откуда знаешь?

– Давно работаю, и хозяин догадался, что я знаю. Но раз до сих пор нет здесь жандармов, значит я человек надежный, потому наверное он и платит мне больше, чем остальным.

– Почему же тогда ты его сдаешь мне?

– Надоело служить туркам, пора положить конец. Я и раньше знал, что здесь что-то нечистое, а как услышал про убийство, понял: пришел мой час. Родственники его там, приходят сюда редко через черный ход. Его арестуешь, хозяином стану я.

– Хорошо, – сказал полковник, – а куда ведет этот ход?

– Вот этого я не знаю и не интересуюсь, они люди дикие: буду спать могут и саблей, и финкой кончить меня. А если интересуешься, бери людей и иди.

Он подошел к картине, на которой в тусклом свете был изображен старинный замок и уверенным движением потянул холст вниз. Холст опустился до земли, в проеме показалась старая металлическая дверь.

Вот, сэр, – обратился он к полковнику, – дальше без меня.

Полковник что-то шепнул жандарму, показал на мичмана и на меня и двинулся к выходу.

Я последовал за ним, но жандарм остановил меня грубым движением и сказал.

– А как же мы без тебя узнаем преступника?

Проход был узкий и темный, но дальше в глубине, едва мерцал какой-то свет, он становился то ярче то слабее, очевидно горел факел, показывая направление движения. Я шел в середине между матросами, сзади почему-то идти боялся, т. к. проход погружался во тьму и казалось что вот-вот кто-то выскочит из темноты и вцепится мне в спину, а впереди был риск получить пулю или нож, а может даже стрелу, поэтому я старался идти посередине.

Я шел и думал, о том, что совсем не собирался участвовать ни в каких операциях и действиях по захвату преступников, но кто теперь меня будет спрашивать.

И я вспомнил русскую поговорку, которую любил повторять наш любимый Сергей Иванович, преподаватель литературы городской гимназии: «Назвался груздем – полезай в кузов», поэтому я невольно подчинился развитию событий. Иногда на голову и за ворот рубашки падали крупные холодные капли, заставляя вздрагивать и ежиться. Ноги были уже мокрые, но я шел, как и все остальные, с единственной целью – догнать преступников. Временами, когда впереди идущие опускали фонарь или факел, которыми уже вооружилась вся команда преследователей кроме меня. Я видел, как мелькали какие-то маленькие животные, вероятно, это были крысы. От страха я невольно приближался к кому-то из близ идущих, интуитивно ища у них защиты. Откуда-то сбоку в тоннель вдруг стали падать тонкие лучи солнца. Это был выход наверх, но подземный ход продолжался. Жандарм остановился и поделил преследователей на две группы, одни остались внизу, другие стали выходить на поверхность. Как только я оказался наверху и глотнул свежего морского воздуха, закружилась голова, и теперь никакая сила не смогла бы затащить меня обратно в подземелье. Яркое солнце слепило глаза и надо было немного времени, чтобы привыкнуть к дневному свету и осмотреться. Место было знакомое, мы находились, вероятно совсем недалеко от пещеры, где нашли убитого. Я решил оповестить об этом офицера, но вдруг глянув на берег, увидел лодку и тех самых людей, которые были в таверне и являлись преступниками. У меня неожиданно вырвалось из груди предостережение, и я шепотом прохрипел: ложись и показал жестом в море. Все сразу заметили чужих и плюхнулись на траву. Видимо преступники нас не заметили и возились у небольшого моторного баркаса ничего не подозревая. Они не могли знать, что их преследуют, ведь о тайном ходе знал только один человек, на молчание которого они надеялись. Офицер приложил подзорную трубку и тихо произнес: там наш человек, он у них в лодке. Он послал вниз матроса, чтобы подтянуть остальных. До преступников было метров семьдесят и преодолеть это расстояние незамеченными было нереально. А если они заметят раньше, чем кто-то преодолеет это расстояние, они заведут мотор и уйдут в море. Я поманил офицера жестом, и он на корточках пришел ко мне.

– Сэр, у вас три винтовки прикажите одновременно стрелять по мотору, остальные на абордаж.

– О! ты умный малый, – тихо воскликнул он, – но там мичман, и они могут им прикрыться.

– Да, но потому я и говорю, что надо стрелять по мотору и при том одновременно, и надо отсечь их от лодки.

Офицер согласился со мной и отдал распоряжение матросам. В это время из пещеры стали осторожно выползать остальные. У них тоже было стрелковое оружие.

Все получилось: огонь хотя и был беспорядочный, но он обескуражил турок своей неожиданностью. Они вначале заматались из стороны в сторону, а потом упали на землю. Не прошло и двух минут, как руки контрабандистов были связаны за спиной надежным морским узлом; а мичман, изрядно избитый, окровавленный, но живой, лежал на дне пиратской лодки.

Широко улыбаясь, прекрасным солнечным днем, прижимая руку к груди и как-то совсем по-детски ликуя, я шел домой с тысячей фунтов стерлингов!

– Ты где был? – обеспокоено спросила мама, едва я переступил порог калитки, – Сергей с Мусей давно дома, а тебя нет. Они о чем-то шушукуются, а мне ничего не говорят.

– Значит умеют молчать, мама, – улыбаясь заметил я, – значит удалось их воспитать мужественными людьми, – заговорил я громче, увидев их появление.

Серый понял, что я йёрдничаю и на подходе парировал: тоже мне воспитатель нашелся, давай рассказывай, что там и как?

– У меня, конечно, от домашних секретов нет, но пословицу я такую еще не забыл: «Меньше знаешь – лучше спишь» ведь все закончилось благополучно, поэтому о результатах я доложу тебе, товарищ командир, тэт а тэт, – ответил я, украдкой подмигивая Муське.

Мама насторожилась почуяв, что я что-то скрываю.

– Ну-ка выкладывай, сынок, какие от матери секреты?

– Какие, мама, там секреты. От английских моряков сбежал, когда в карты проигрался.

– Эх, Жоржик, Жоржик, отца нет, так ты совсем развинтился, получишь ты когда-нибудь от них на орехи.

– Ты не беспокойся, мама, он у нас чемпион по бегу от английских солдат и матросов, уже не раз успешно драпал.

Я решил маме не говорить до тех пор, пока не решим все дела с Серым.

Вечером мы втроем сидели на морском берегу, и я в подробностях излагал ход операции.

Муська и Серый внимательно слушали, не задавая никаких вопросов.

Но когда я закончил, Серый встал, поклонился и сказал:

– Выражаем глубокую признательность за терпение и мужество проявленные по ходу рискованной операции.

– Конечно, ребята, все было непросто, моментами я сожалел о том, что ввязался в это дело, но хорошо то, что хорошо кончается. Сегодня пируем, но прежде разделим деньги.

– Не понял, – удивленно поднял брови Серый, – ты это с кем хочешь делить, с нами? Не глупи, мне можно выделить десять фунтов на сигареты, Муське на мороженое и кинематограф тоже десять фунтов. Мы же просто при сем присутствовали, а ты рисковал.

– Я думаю, что ты прав, Серый, каждому из нас по десять фунтов вполне достаточно, остальные употребим на дело, займемся торговлей. Что-нибудь будем покупать и потом продавать. Деньги не должны лежать мертвым капиталом, так часто говорит дядя Нико.

– Слушай, Жора, а может быть мы ему и расскажем все, может он нам и поможет?

– Да, пожалуй, это хорошая идея. Там еще от круглой суммы остается 70 фунтов, их разделим нашим мамам, скажем в порту заработали. Но это завтра, а сегодня идем в кафе, каждый по два фунта жертвует идет? Согласие мы скрепили рукопожатием. Но тут я спохватился и сказал:

– А нельзя ли пригласить на нашу вечеринку Веру Павловну а?

– Почему бы и нет, мальчики, – радостно ответила Муська, – как раз пара на пару.

– Ну тогда в кафе «Парус» соберемся к 9-ти часам, идет?

– Идет, идет, договорились.

Было пять вечера, я пришел домой, вручил маме деньги, «заработанные» в порту, одел белую рубашку с рюшками впереди, черные гимназические брюки, которые были уже коротковаты, и черные английские ботинки, выигранные ранее в карты у корабельного кока с английской шхуны.

– Ну ты прямо лондонский денди, сынок, не скрывая восхищения, – сказала мама, всплеснув руками. – Папа бы видел какой ты красавец стал. К Верочке, небось на свидание собрался.

– Мама, мы вчетвером идем в кафе «Парус» отмечать мою первую «зарплату.»

Она подошла, поцеловала меня в лоб и сказала:

– Смотрите не пейте много.

– Маама, – укоризненно покачал головой я, – у меня твердое правило: НЕ пить и не курить, только девочек любить.

– Да, весь в отца, тот тоже девочек любил.

– Это ты что говоришь о нем в прошедшем времени, что-нибудь знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.